

ТРИ ДЕКУПАЖА В ФОРМЕ СОНАТЫ

Григовский фестиваль «Тарусского фонда»

Вадим Журавлев

Визит

ЕЩЕ ПРИ жизни Грига отечественные музыковеды и критики сетовали, что музыка его, столь близкая и понятная русскому человеку, редко звучит в концертных залах. При этом объясняли сложившуюся на концертной эстраде ситуацию заилием итальянской музыки. Чем объяснить «нехватку» произведений Грига в репертуаре отечественных музыкантов нашего времени? Наверное, утратой традиций камерного музицирования, ведь фортепианные и вокальные миниатюры были главными составляющими творчества «северного Шопена», как называл Грига Ханс фон Бюлов. Хотя мне кажется, что творчество норвежского романтика ближе исканиям немецкого композитора Роберта Шумана. Запоминающиеся интерпретации «Карнавала» и «Любови и жизни женщины» столь же редко сейчас можно услышать, как и «Лирические тетради» и песни Грига. Но это уже, как говорится, из другой оперы. А пока юбилейный григовский год не принес ощущения, что музыку норвежца мы «переслушали», как это было, к примеру, с юбилеем Чайковского.

И все же. В летнее межсезонье «Тарусский фонд» Святослава Рихтера провел свой первый фестиваль, целиком посвященный творчеству Эдварда Грига. Правда, узнать об этом было совсем не просто: три концерта в Тарусе, три — в Москве были окутаны покровом тайны. Бизнесмены, приобщающиеся к высокому искусству путем уплаты круглой суммы в долларах, были заняты внезапным обменом купюр, а меломаны готовы были заплатить любые деньги, да не знали куда и кому. Что поделать, имя великого пианиста ныне единственное, за которое зрители готовы платить фантастические суммы. Хотя все накладки организационного характера, конечно, можно списать на счет того, что «Тарусский фонд» только начинает работать, но реклама в прессе наверняка не помешает и ему.

Три московских концерта фестиваля, в которых принимал участие Рихтер, воспринимаются теперь как вечная и нерушимая в музыке сонатная форма, которая дала жизнь многим произведениям как для оркестра, так и для солистов.

Бравурным аллегро пронеслась первая часть фестиваля-сонаты — концерт в Зале им. Чайковского, в программе которого прозвучали «настоящие» сонаты одного из любимых композиторов Грига — Моцарта, со свободным сочиненным аккомпанементом для второго рояля, написанным норвежцем. В жестком и даже по-ужасному жестоком исполнении ведущей партии австрийской пианистки Лизы Леонской потонул григовский аккомпанемент, который играл сам Рихтер, к Пятой и Шестнадцатой сонатам Моцарта, Фантазии до минор. Зрители не успели оглянуться, как концерт подошел к финалу, и, к счастью, при исполнении Пятнадцатой сонаты Леонская вспомнила, что играет не одна, а Моцарт в этот вечер был «неглавным» действующим ли-

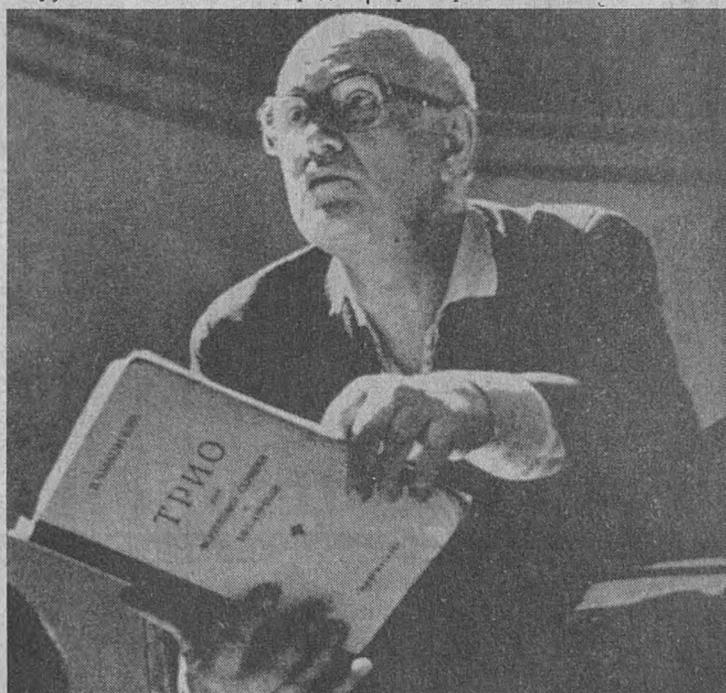
цом. И в последней части сонаты, которую фортепианный тандем бисировал, мы наконец услышали грустное григовское видение мюцартовского мажора.

Нудным, затянутым анданте прозвучал второй концерт фестиваля в Белом зале Цветаевского музея на Волхонке, а выставка нашедших работ Матисса стала его «художественным оформлением». Дуэт Святослава Рихтера и Галины Писаренко, блиставший еще несколько лет назад, исполнил вокальные произведения норвежского композитора, столь близкие в первую очередь немецким *Lieder*. Как и произведения немецких классиков, песни Грига ищут отправные точки в стихотворениях романтиков, не зря ведь поздние песни «северного Шумана» так и называются — *Digte*, то есть стихи. Отсутствие качественных переводов на русский язык вокальных произведений многих зарубежных композиторов всегда было непреодолимой преградой на пути их к зрителю. Но с песнями Грига еще сложнее: выучить их по-норвежски непросто. Можно было прибегнуть к ритмическим переводам, выполненным на немецком или французском языках. Но Галина Писаренко предпочла исполнить их по-русски, что во многом предо-

Паульсена — была расцвечена розовыми фарфоровыми «красками» в стиле Буше.

Не дождался я в этот вечер от певицы и отточенной григовской декламации, патетических интонаций, необъятного витализма, родившего его с другим великим потомком «викингов» — Кнутом Гамсуном. Строгости и сдержанности, столь присущих северным народам, хрустальной ясности пастельных тонов норвежской природы, романтических порывов в кульминациях, когда суровый характер северян на мгновение сменяется южной порывистостью. Голос певицы лишен оттенков и нюансов (вот уж где вспоминается фовизм), не смог выявить влияния немецких композиторов-романтиков ранних песен Грига, а в поздних *Digte*, близких вокальной драматургии Мусоргского, Вольфа или французских импрессионистов, например, «Эрос» на слова Отто Бенцона, она продемонстрировала непонимание стилистических различий в вокальной эволюции композитора. И мастерства иногда бывает недостаточно.

«Но почему?» — спросит упрямый читатель. Всею свое время. И мало ли у нас певец и балерин, которые собственными руками «разбирают» постаменты памят-

Святослав Рихтер.

пределило судьбу концерта. Ужасающие переводы углубленного в человеческую психологию с элементами символизма Генрика Ибсена, поэтичного Бьернстерна, элегантных и открытых Йона Паульсена, «живописца слова и звука» Хольгера Драхмана извратили смысл большинства романсов, не в состоянии были передать «просветленный трагизм» музыки Грига. Голос Писаренко не мог справиться ни с широкими фразами на едином дыхании в знаменитом «Люблю тебя» на слова Ханса-Кристиана Андерсена, ни со скрытым волнением лаконичного и философского ибсеновского «Лебедя», ни с неуловимой печалью элегии «Весна» на слова поборника норвежского языка Осмунда Винье. А строгая пастораль, рисующая скальными средствами чистоту и благородство норвежской природы, — «Летний вечер» на слова Йона

ников, поставленных им почитателями при жизни? Не лучше исполнял Писаренко *Lieder* Бетховена на последних «Декабрьских вечерах», кстати, на русском языке. И не зря ведь в зале раздавались крики «Рихтер-соло».

Но вернусь к моему анданте, во время которого прославленный пианист восполнил недостающее: в фортепианной партии становились зримыми закаты солнца в «Принцессе», мерный плеск волн и одинокая песня умирающего поэта в «Лебеде», человеческий пафос, охватывающий людей, соприкасающихся с холодным горным пейзажем, в прологе к циклу «По скалам и фьордам» на слова поэта и художника Хольгера Драхмана, атмосфера и даже запахи последней весны умирающего в «Весне». Красота и простота григовских миниатюр.

Красота и простота. Именно так можно охарактеризовать фи-

нальную часть фестиваля-сонаты, его коду — сольный концерт Святослава Рихтера, на который я шел с опаской, памятуя о том, что последние концерты Рихтера в Москве не принесли лично мне ничего, кроме разочарования. Но уже с первых звуков, извлеченных пианистом из рояля, стоящего перед матиссовским «Танцем», меня охватило романтическое томление, которое позволило забыть обо всем, кроме музыки. Томление, о котором мы, жители конца XX века, так часто мечтаем. Наверное, Григ оказался Рихтеру ближе Бетховена, но в его интерпретации можно было различить Грига раннего, романтического и пережившего тяжелый творческий и душевный кризис, фортепианные миниатюры композитора были тонко и с блеском отделаны, глубоко по содержанию, и в каждом произведении, кроме заданного названия смысла, проявлялись подтексты авторские и исполнительские. Национальный колорит «Свадебного дня в Трьолдхауген» и норвежского народного танца халлинга, крестьянского марша «Gangar» воссоздавали жанровые картинки дилогии «Бенони» и «Роза», а под звуки «Тоска по родине» и «Лесной тиши» бродил по залу гамсунувский панлейтенант Ган. В пьесе «Она танцует» Рихтер блестяще передал остроту художника, наблюдающего пляску холодной и чопорной норвежской дочери Саломеи, а в виртуозных пассажах «Колокольного звона» нельзя было скрыться от «малинового звона». И трудно было не вспомнить столь популярную музыкальную притчу к драме Ибсена «Пер Гюнт», когда ковылял, побряцывая золотой цепью, «Гном», «переваливалось» с боку на бок саркастическое «скерцо» или заунывно звучала песня стражника, навеянная композитору шекспировским «Макбетом».

Рихтер в тот вечер пользовался слишком яркими красками, подобно представленному здесь же Матиссу, при этом ежесекундно убеждая, что так и надо. А когда зазвучал «Танец эльфов», казалось, что у красных мясистых обрубков, целиком погруженных в знаменитый «Танец», вырастают сифидные крылышки. И вот уже, как сказочные персонажи скандинавских саг, они уносились в заоблачные дали, оставляя нам лишь сочную зелень короткого северного лета и синеву ультрамарина. Григ и Матисс. Два несовместимых художника сливались в пантеистическом экстазе: один — с варяжской строгостью, другой — с французской чувственностью. И становилось понятно, почему так притягивают посетителей выставки созданные с артезианской четкостью декупажи — вырезанные из цветной бумаги и наклеенные на картон картинки — столь любимого русскими купцами француза. Яркие краски, подобранные великим художником, не режут глаз. Два первых концерта-декупажа были иными, и только финальная часть фестиваля-сонаты явила схожесть витиеватых «Лакун» Матисса и резных норвежских фьордов.

«Миновало», «Отзвуки». Этими лирическими пьесами Грига закончился концерт и фестиваль. Миновали. Музыка Эдварда Грига оставила в наших душах разные, непохожие отзвуки.